

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

18+

ДЕВУШКА
ИЗ ТРУЩОБ

Надежда Игоревна Соколова

Девушка из трущоб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43051115

SelfPub; 2021

Аннотация

Кому-то судьбой предназначено быть пылью под ногами богачей. Ася – одна из таких невезучих. Вся жизнь – борьба за счастье любимой младшей сестренки. Только бы вырвать ее из трущоб, дать образование и билет в сытую жизнь. Ася и помыслить не могла о личном счастье, пока на горизонте не появился он – "золотой мальчик", привыкший получать все, что хочет. Это не сказка о Золушке, это история о надежде и вере, а также – о попытке найти себя в жестоком и бездушном мире. Роман написан на основе рассказа "Трущобы".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Надежда Соколова

Девушка из трущоб

Глава 1

Ася облегченно выдохнула, закрыв сразу на три замка старую железную дверь: наконец-то дома. Теперь можно и расслабиться. Последние дни в их трущобах постоянно кто-то исчезал. Некоторых потом находили, в основном в разобранном виде, в разных частях городка, другие так никогда и нигде и не появлялись. Стать одной из многих пропавших без вести девушке совершенно не улыбалось: тогда и мать, и сестра умрут от голода. А если и выживут... Думать о последствиях этого «выживут» не хотелось. Не такой судьбы желала Ася Сонечке, маленькой задумчивой девочке с голубыми глазами, обрамленными черными густыми ресницами. Чересчур задумчивой для своего возраста. Соне недавно исполнилось шесть лет. Всего лишь. Только глаза, казалось, говорили: «Мы старше. Мы намного старше и мудрей, чем ты думаешь. Мы достаточно видели в жизни. И мы все понимаем».

– Ася! – мать, Ангелина Васильевна, встревоженно выглянула из единственной небольшой комнатки, в которой помещались и спальня, и гардероб, и столовая... Только кухня и

уборная были отдельными закусками. – Ася, ты снова поздно. Что случилось?

– Ничего, мам, – устало пожала плечами старшая дочь. – Просто много работы. Соня спит? – Девушка вытащила из сумки пакетик с просроченными шоколадными конфетами. Всего лишь двое суток, подумаешь. Их вполне можно есть.

– Балуешь ты её, – укоризненно вздохнула Ангелина Васильевна, а из-за двери комнатки показалось любопытное, слегка заострённое личико Сонечки.

– Конфеты! – худенький невысокий ребенок радостно повис на старшей сестре. – Спасибо, Ась!

Асе повезло: ей, в отличие многих жителей трущоб, удалось устроиться уборщицей в центральный гипермаркет. Там, а не в маленьком задрипанном магазинчике для местных, выставяющем на прилавок в основном лишь алкоголь и дешёвую закуску, закупались все, у кого водилась хоть какая-нибудь звонкая монета. Там же часто, при особом везении, можно было увидеть Их – богатеев, владеющих всем на этой земле и на целой планете, включая бесполезные жизни своих многочисленных рабочих.

Девушке равнодушные богачи были не интересны. Ведь не интересуется же амёба жизнью млекопитающих. А вот возможность изредка, помимо выплачиваемой раз в месяц заработной платы, приносить домой продукты с прошедшим сроком годности, выложенные в полутёмном закутке как раз для рабочих с небольшим доходом, помогала их семье не

просто выживать, но и кое-как держаться на плаву. Возможно, Асе наконец улыбнется удача, ей удастся накопить хоть немного наличных, чтобы оплатить в следующем году обучение Сони в школе, располагавшейся в том же районе, что и гипермаркет. Не место ребенку в этих вонючих бараках. Девочке нужны чистый воздух, качественная еда, стабильное положение в обществе. О себе при этом старшая сестра даже не думала: все равно ни красотой, ни умом она не блещет. Будут на пару с матерью доживать в трущобах.

Сон «подарил» вымотанной девушке очередные вполне реалистичные кошмары с запертыми на амбарный замок подвалами, огромными голодными крысами и изошрёнными маньяками, гнавшимися за очередной жертвой со зловещим смехом. Утро, хоть и спасло от ужасов, пришло чересчур рано. Ася, с трудом разлепив глаза, выползла на кухню, заварила в старом фаянсовом чайнике со сколами травяной настой, – остатки зеленого чая, ромашку, душицу – налила его в чашку с потёртым рисунком, с трудом заставила себя проглотить эту невероятную гадость, вяло пожевала позавчерашний черный хлеб: корзину с просрочкой выставят только сегодня днем, так что до вечера матери с сестрой придётся в очередной раз немного поголодать. Или же будут доедать конфеты...

Голодала семья нечасто, обычно один-два раза в месяц, так что даже голодом такое положение дел назвать нельзя было, так, редкие, многим из живших здесь просто необхо-

димые разгрузочные дни. Асе, с таким нерегулярным питанием, излишним весом и нарушением обмена веществ, подобные нечастные дни похудеть не помогли. А вот гастрит уже был заработан. За ним и язва вскоре должна была последовать.

В уборной, не включая свет, девушка кое-как ополоснула лицо холодной затхлой водой из местного водопровода и на ощупь провела щёткой по редким волосам. Всё. Можно идти на работу.

Внешность свою Ася не любила. Да и как можно любить нечто невысокое, бесформенное, с лишним весом и отсутствием малейшего намека на фигуру? Глаза – серые, небольшие, маловыразительные, ресницы – короткие и белесые и потому совершенно не заметные, волосы – редкие, светло-русые, губы – ни то ни се, ни полные, ни тонкие. Конечно толстые, словно обрубки, грудь большая и обвислая, как вымя у коровы. В общем, на такую и в темноте без бутылки не помотришь.

Потому и одевалась Ася постоянно в обноски, стараясь найти в местных магазинах вторсырья широкую и длинную одежду тёмных, немарких цветов. Вот и сейчас, надев чёрные брюки на пару размеров больше и коричневую кофту-балахон, обув видавшие виды кеды, девушка взяла с табуретки хозяйственную сумку, помнившую молодой еще Ангелину Васильевну, и как можно тише вышла из квартиры.

Длинные деревянные лестницы с кое-где основательно

подгнившими ступеньками «радовали» обоняние привычными кислыми запахами нечистот и дешевого пошла, день и ночь употребляемого большинством здешних жителей. Освещение... Даже старожилы забыли, что это такое. Тусклый желтый свет иногда пробивался через грязные, десятилетиями не мытые небольшие оконца под потолком. Его не хватало даже для лестничных пролетов, что уж там говорить о ступеньках. Но те, кто ютился в этих трех- и пятиэтажках, в каморках, почему-то по незнанию названных квартирами, давно выучили дорогу и привыкли шнырять, словно крысы, вверх и вниз в темноте, разве что изредка зажигая ручные фонарики. Последнее считалось роскошью. Да и зачем он нужен, тот свет, если есть слух, обоняние, интуиция, в конце концов?

Ася, выросшая в этих местах, в свои восемнадцать знала каждый закуток этого относительно безопасного, по сравнению с другими строениями, дома, да и в близлежащих кварталах ориентировалась сравнительно неплохо. Это туда, ближе к реке, давным-давно отравленной многочисленными фабриками и заводами, лучше не соваться, если, конечно, жизнь дорога. А здесь... Здесь вполне можно жить. Или делать вид, что живёшь.

У входа, прямо возле двери, распластался пятиконечной звездой, словно греясь на осеннем холодном солнце, дед Митрич. Снова пьяный. Снова в одних подштанниках. Снова грязный, как боров после лужи. Привычно переступив че-

рез храпевшее тело, Ася, нагнувшись, надела на ноги целлофановые пакеты и, чуть переваливаясь, неспешно потопала по остаткам гравийки, давно смешавшейся с постоянной в этих местах жидкой грязью, тщетно стараясь выбирать места почище.

Виктор полулежал на небольшом диванчике и лениво потягивал элитное бренди из низенького пузатого хрустально-го бокала. Как же надоела эта дикая планета с её похожими на зверей обитателями. Давно пора перебираться на Астор, шикарную столицу Союза Миров, и забыть о годах жизни здесь, как о дурацком ночном кошмаре. В принципе, если бы не Димка, он уже сорвался бы с места, благо личный шатл всегда под рукой. И плевать на визг матери и раздражение отца. Пусть сами гниют на Мирне, раз уж им так нравится здешняя грязь.

Димка... Любимый младший брат и постоянная, застарелая боль... Единственный родной человечек со светлым взглядом и легкой улыбкой. Некстати вспомнилась Ирка, старая приятельница. Она, с ее любовью к вечным поучениям, уже прочитала бы целую лекцию. Мол, улыбка легкой быть не может, нужно найти более точное определение... И прочая мура. Но в том-то и дело, что у Димки улыбка была именно легкой, беспечной, умиротворенной... Виктор не мог подобрать нужного слова, но возле брата он как будто отогревался душой. И каждый раз, видя младшенького, го-

тов был убивать, что мать, что отца. Одна, дура полная, бегала на гульки, нюхала «порошки» и пила, словно лошадь, ни секунды не думая о ребенке под сердцем, другой, скотина безмозглая, решил покрасоваться перед своими многочисленными бабами, провел ночь в месте с зашкаливающей радиацией, до конца не вылечился и полез в постель к жене. В результате – дебилность у плода. И никому, кроме него, Виктора, до Димки сейчас дела нет. Ну ходит, пузыри пускает, весело агукает, в свои двенадцать ведет себя, как годовалое дитя. Пусть его. Лишь бы под ногами не путался да родителям жизнью наслаждаться не мешал.

Двадцатипятилетний высокий красавец с «греческим профилем» и накачанной мускулатурой, любимец женщин всех возрастов, с рождения имел всё, о чем могли только мечтать его сверстники: деньги, связи, положение в обществе, прекрасные возможности для карьеры... Баловень судьбы, как говорили в древности о подобных ему счастливицах, Виктор до семнадцати лет жил словно в вечном раю. А потом приехал однажды домой после учебы в престижном ВУЗе на закрытой планете и обнаружил дома четырехлетнего умственно отсталого брата. Нет, мир не рухнул. Но... Из наивного «золотого мальчика» парень довольно быстро превратился в циника и грубияна. Удостоверившись, что Димку вылечить нельзя, старший сын возненавидел родителей.

Грязь привычно хлюпала под ногами. Сам путь по хоро-

шей дороге занял бы не больше десяти-пятнадцати минут, но кто же будет стараться для низов? Их квартал считался самым опасным, а значит, и самым неблагоустроенным. Из всех жителей здесь честно зарабатывали себе на жизнь, тщетно день за днем стараясь вырваться из ненавистных трупоб, лишь несколько человек. Остальные плыли по течению или предпочитали не совсем законные способы существования. Ася вновь и вновь аккуратно обходила наполненные тухлой водой ямы, уже и не надеясь попасть на работу в чистой одежде. Местных алкоголиков подобные мысли не заботили: из кустов по-над дорогой то и дело выглядывали чьи-то конечности, обычно задние. Их владельцы, охотно приняв на грудь пару-тройку бутылок дешёвого пойла, вольготно расположились там, где их застал последний, явно лишний глоток.

Хлипкий деревянный мостик через канаву, когда-то гордо называвшуюся речкой Иртой, сейчас уже пересохшую и «запруженную» различным бытовым мусором, девушка перешла за пару минут. На той стороне уже начиналась другая, лучшая, в ее понимании, жизнь. «За рекой», как говорили босяки из района Аси, жили те, кому повезло родиться пусть в небогатых, но довольно обеспеченных семьях. У этих людей существовал доступ и к образованию, и к медицине, существовала и возможность подняться повыше, увезти своих детей в более благоприятные места. Там же, на другой стороне «реки», располагался и магазин, дававший работу, пусть

и низкооплачиваемую, всем желающим.

Не желая иметь ничего общего со сбродом из опасных кварталов, жители «заречья» оградил свои дома высоким железным забором с пущенной по верху колючей проволокой под напряжением. Попастъ внутрь можно было, только приложив палец к калитке. Информация о микрочипе, вживленном под кожу всем стремившимся находиться на «богатой» территории, мгновенно передавалась на пункт пропуска, и компьютер давал доступ. Или не давал. Каждый раз, подходя к заветной калитке, Ася страшилась, что на табло загорится оранжевая надпись: «В доступе отказано». Это означало бы долгую и мучительную смерть для нее и ее семьи: идти по стопам многочисленных соседей и заниматься душегубством или воровством, девушка просто не смогла бы.

«Доступ разрешен», – привычно мигнуло зеленым светом табло. Калитка открылась, пропустила бесформенную фигуру и сразу же закрылась. Чисто подметенная дорожка из мелкого гравия вела мимо невысоких, периодически подстригаемых деревьев и кустов, в основном лиственных, к различным хозяйственным постройкам, в том числе и к раздевалке, из которой можно было попасть напрямиком в складские помещения заветного магазина.

В небольшой саманный сарайчик Ася как обычно зашла одной из первых. Несколько бумажных ширм для переодевания персонала, крючки на стенах и пакеты с формой ра-

ботников – вот и вся обстановка. Уличная одежда осталась сиротливо висеть на крючке, синяя форма уборщицы заняла её место.

Коридоры, коридоры... Многочисленные повороты. Вот и каморка, в которой, кроме девушки, отдыхают еще пятеро работников. Сейчас тут, за исключением стульев и небольшого стола у окна, пусто. И это чудесно – людей, особенно толпы, Ася не любила и боялась. Если бы не необходимость содержать семью...

– Ты здесь? Отлично. На выход.

Артур Иванович, старший менеджер, маленький, толстый, как бочонок. Привычно скользнул безразличным взглядом по работнице, словно мебель на наличие пыли проверил, отдал приказ и тут же выкатился. Что еще могло стрястись всего за час до открытия?

Оказалось, очередная работа по профилю – уборка. Иногда, чтобы получить дополнительный доход и купить жене очередную шубу, директор магазина сдавал помещения для отдыха местной «золотой молодежи». Дети клерков средней руки и торговцев всех мастей не могли себе позволить веселиться в районах аристократов, – их туда просто не пускали, не видя смысла в сближении разных слоев населения, – поэтому все важные события своей жизни они отмечали здесь, в супермаркете, единственном, не считая лавки с тканями, готовой одеждой и сувенирами, крупном торговом помещении района.

Что именно праздновали ночью, Ася не знала и знать не хотела. Молча, как обычно, она убирала мусор и мыла полы. Работа была настолько привычной, что выполнялась на автомате. Закончив, девушка направилась в уже открывшийся торговый зал. Первые два-три часа посетители буквально штурмовали полки с продуктами, так что работа уборщицам находилась всегда.

Настроение... Какое может быть настроение рано утром, когда необходимо выдавливать из себя вежливые фразы и тщательно сдерживаться, чтобы не разгромить этот сарай к чертям собачьим...

Ответив на подобострастное приветствие охранника улыбкой, больше напоминавшей оскал разъяренного добермана, Виктор широким хозяйским шагом зашел в кабинет директора магазина. Практически весь бизнес в данной части города принадлежал его семье, дела шли ни шатко ни валко, очередного старшего менеджера недавно уволили за воровство, отцу на данный момент было не до бизнеса, и сегодня именно Виктору необходимо было забрать накопленную выручку, а заодно и проверить, не слишком ли зарывается ставленник отца. Последний заискивающе залебезил и подскочил со своего места, едва завидел непосредственное начальство. Удобно усевшись в директорское кресло, откинувшись на спинку и закинув ноги на стол, молодой человек скучающе зевнул.

– Проверка нашла у вас недостачу, Андрей Микитич. Вы понимаете, что это значит?

Что еще это могло значить? Только потерю хлебного места и возможное переселение в ту часть города, которую населяли отбросы планеты. Кому ж захочется так быстро в худшую сторону изменить уровень жизни?

– Виктор Степанович... Голубчик... Ну что вы... Это же копейки... Я... Я возьму, сейчас же прикажу, деньги принесут!

Ну да. А потом сдерет эту сумму в качестве штрафов со своих работников, чтобы ни в коей мере не остаться внакладе. Впрочем, Виктору было все равно.

– У вас двадцать минут.

Деньги принесут через пять-семь минут. Это молодой человек знал по опыту.

Зазвонил видеотелефон, квадратная коробочка небольших размеров, сделанная из самых современных защитных материалов, настроенная на нескольких пользователей и не позволяющая видеосообщению коснуться ушей тех, кому оно не предназначено. Мельком бросив взгляд на экран, парень скривился: Эльза. Нахальная пробивная фотомодель, решившая непременно стать его женой и готовая ради этой цели в буквальном смысле слова идти по трупам. Мнением потенциального жениха девушка, естественно, поинтересоваться не соизволила. Если бы не необходимость обязательно появиться сегодня на вечере в честь дня рождения близ-

кого друга отца, причем непременно со спутницей, наследник многомиллионного состояния с легким сердцем ненужный звонок проигнорировал бы. Но надо...

– Виктор Степанович, я могу вам помочь?

Это что-то новенькое: мебель рот открыла. Молодой человек цинично хмыкнул про себя: видать, дело не только в недостатке, если директор вдруг первый решился заговорить с боссом.

– Вы умеете ходить на каблуках и влезаете в женское платье? – раздраженно поинтересовался Виктор, глядя на экран аппарата практически с ненавистью.

Собеседник угодливо захихикал:

– Может, вам сменить спутницу?

Ещё и советы даёт. Совсем страх потерял. Хотя... Почему нет... Вот только...

– У вас тут есть кто поуродливей? Такая, чтобы от одного взгляда на неё народ шарахался в разные стороны?

Молчание длиной в несколько секунд, и уверенное:

– Я думаю, что смогу вам помочь, Виктор Степанович.

Уборка завершилась мытьём туалетов на выделенном участке. Улучив несколько свободных секунд, девушка заглянула в угол под лестницей, куда обычно складывали просроченные продукты, и вытащила из большой картонной коробки шоколадку, палку мерены, дешёвой колбасы из мяса диких собак, обитавших на этой планете в огромном коли-

честве, позавчерашний хлеб и чуть надорванную пачку крекеров. Пока хватит. До зарплаты, что должны выдать послезавтра, семья постарается кое-как продержаться.

Когда Ася добралась до каморки, ее напарница, высокая худая женщина лет пятидесяти, зарабатывавшая здесь тяжелобольному внуку на очередной курс лечения, равнодушно сообщила:

– Тебя Иваныч искал. Срочно.

День обещал быть насыщенным. Вздохнув, девушка оставила продуктовый набор в сумке и поплелась к начальству.

В отличие от своих немногочисленных подчиненных, старший менеджер занимал отдельный кабинет. По размерам, правда, то была такая же каморка, но зато предоставленная в распоряжение одному конкретному человеку.

– Шатрова? К директору. Немедленно, – даже не отрываясь от журнала, приказал начальник.

Сердце упало в пятки. На самый верх, к управляющему магазина, Искринскому Андрею Микитичу, работников вызывали только при увольнении. Но она же вела себя идеально! За что??

– Что стоишь? Бегом! – рявкнул Иваныч.

Аккуратно закрыв дверь с другой стороны, Ася, едва сдерживая горькие слезы, направилась к лестнице: все начальство, кроме старшего менеджера, располагалось на втором этаже здания. Там же обычно отдыхала и «золотая молодёжь».

Каждая ступенька гирей ложилась на душу. Хотелось завывать, как дворовые собаки. В чем она ошиблась? Кто-то «настучал», решил заполучить себе еще и ее ставку, заранее договорившись с Иванычем? Искринский разбираться не будет. Его, кроме денег, ничего здесь не держит. Увидел бумажку на столе, подписал, не вчитываясь, и вот уже Ася на улице, без зарплаты, без работы, а значит, и без продуктов...

– Ну наконец-то! – Дверь в нужный кабинет распахнулась, едва девушка подошла поближе. – Шатрова! Зашла немедленно!

Она и так уже здесь, зачем же кричать...

Еще сильней втянув голову в плечи, Ася переступила порог.

Кабинет начальства действительно заслужил так называться: не комнатка, не каморка. Кабинет. Он поражал воображение сотрудников, когда те, ещё будучи соискателями, приходили на неизбежное собеседование перед приемом на работу. Да, несмотря на существование в компании отдела кадров, его работники проводили только предварительное собеседование. Окончательное решение принимал директор. И чем выше была желанная должность, тем большую сумму называло будущее начальство. Асе повезло: она отделалась символическими двенадцатью серебрушками, – минимальной ценой – накопленными за полгода жесткой экономии, как раз для устройства на работу. На тот момент кабинет мог похвастаться позолоченными стенами, мебелью из

орхи – деревья, растущего на самой дальней и самой труднодоступной планете Союза Миров, – и окном, выходящим на квартал аристократов. Сейчас... Сейчас, может, что и изменилось, директор перестановки любит. Вот только уборщица боялась поднять глаза от пола, тоже позолоченного, причем, судя по следам, сравнительно недавно. Вон, в углах, еще и краска не высохла...

– Голову подняла.

Голос резанул по напряжённым нервам. Голос незнакомый, чужой. Ася вздрогнула и, повинувшись, посмотрела на говорившего. Молодой. Красивый. Ухоженный. Одет... Нет, она и названия одежды этой не знает, что-то явно иностранное, не пригодное к ношению в их условиях, слишком уж светлые и маркие вещи. Ясно только, что вольготно расположившийся за столом директора мужчина намного состоятельнее всех тех сынков местных богачей, за которыми Ася привыкла убирать.

– Подходит. Вышел вон.

Вышел? Это кому? Дверь захлопнулась за спиной. Девушка испуганно вздрогнула.

Виктор, слегка прищурившись, с презрением осматривал подsunутую ему девку. Да уж... Если её и правда шарахаться с самого начала не начнут, уже прогресс будет. Но ему ли жаловаться? Сам хотел подобное чучело. Чучело... Вот чудесное слово, описывающее это «нечто»: синий, начина-

ющий выцветать халат уборщицы висит балахоном на теле. 180/180/180, не меньше. Глаза как у коровы. Видел он как-то детский фильм, что Димке одна из постоянно сменявшихся гувернанток крутила. Ни сюжета, ни актеров нормальных. А вот корова ему запомнилась: ее на бойню ведут, резать собираются, а она послушно копыта передвигает и смотрит смиренно и покорно. То же самое выражение и здесь. Да и фигурой эта похожа на ту. На голове – чепчик, на ногах – боты.

В душе не вовремя проснулась гордость. Вот не хватало еще с такой тушей на людях появляться. Послать её, что ли? Назад, прямо к унитазам? Нет, он же хотел всех шокировать на этом дебильном вечере. Да и терпеть её не так уж долго, не больше трех-пяти часов.

– Собралась быстро и вышла к главному входу. Жди у красной лётки. Со мной поедешь. Всё, пошла отсюда.

Дверь аккуратно закрылась. Молодой человек тяжело вздохнул: ну что за жизнь. Одна тупая, хоть и симпатичная, другая страшная, как смертный грех, но тоже... Тупая... И выбрать не из кого.

Ася медленно вышла за дверь, вопросительно взглянула на стоявшего у стены начальника.

– Что смотришь? – нервно огрызнулся Микитич. – Иди, выполняй, что сказано. Да поживей.

С трудом понимая, что происходит, девушка послушно направилась к сарайчику с уличной одеждой. Пока шла ко-

ридорами, перебирала в голове немногочисленные варианты. Зачем ее вызвали? Для чего она нужна? Убирать в господском доме? Так этим обычно занимается Синти. Она и красивая, и пробивная, и другие услуги оказать не постесняется. Если не для уборки, тогда зачем? И для чего она, Ася, «подходит»? На взгляд, которым ее осматривал молодой господин, девушка внимания не обратила: в ее жизни таких взглядов было много. И еще больше ожидается. Какая разница. Пусть смотрит. Лишь бы на работе остаться.

Наскоро переодевшись в том самом сарайчике, уборщица вернулась в магазин, забрала вещи и, игнорируя любопытные взгляды своих «товарок», вышла в торговый зал. Пока дошла до главного входа, несколько раз ощутила на себе презрительно-уничижительные взоры покупателей. Действительно, куда она, в таком затрапезном наряде, выйти осмелилась? Её дело – мойка раковин и полов. А здесь, здесь отовариваются люди с деньгами и положением. И её старое потертое тряпье, как они все думали о её относительно нормальной одежде, унижает их человеческое достоинство. Пару раз забитой уборщице даже плюнули в спину. Не попали, судя по недовольным комментариям сзади.

Главный вход и красная лётка. Да, эффектная модель. Такая всюду заметна будет.

Почти полторы тысячи лет назад, когда люди только начали осваивать космос и заселять различные пригодные для жизни планеты, создавая многочисленные колонии и посте-

пенно вывозя с Земли, планеты-донора, жителей и оборудование, перед первыми «космическими нуворишами» встал сложный вопрос удобных полетов. Нет, шатлы, конечно, для таких целей годились, но только при перелёте от планеты к планете. Внутри же заселенного мира этот транспорт для передвижения по воздуху пригоден не был: слишком громоздкие машины забивали собой всё пространство, что частенько приводило к неизбежным конфликтам, особенно между гонористыми владельцами таких летательных аппаратов. Думали-размышляли над проблемой долго, пару десятков лет, если быть точными. И потом один гений, чье имя история, к сожалению, не сохранила, придумал лётки – этакие эллиптической формы капсулы, довольно компактные, снабженные мощными моторами и, по желанию владельца, искусственным интеллектом.

Транспорт, неудачно припаркованный перед входом и мешавший местным жителям совершать покупки, был покрашен в ядовитый красный цвет. По бокам, чуть выше иллюминаторов, вмонтированных в корпус из нового вида стали, красовались маленькие крылья, предназначенные для управления.

– Внутрь, – отрывисто, резко, словно хлыстом ударил, приказал показавшийся наконец-то из вращавшихся дверей «золотой мальчик». Повинуясь его голосовому приказу, отъехала в сторону дверь, позволяя проникнуть в кабину.

Ася наклонилась, аккуратно переступила через порог, се-

ла в одно из кресел. Напротив немедленно уместился её непосредственный начальник на следующие несколько часов.

Несколько движений рычажками на светившейся панели, и транспорт взмыл вверх. Куда они летят? Впрочем, какая разница. Не убьёт, и то слава богу. Наверное...

На подлокотник «её» кресла легли три золотые монеты – полугодовой заработок девушки.

– Поработаешь говорящей куклой пару часов – и можешь быть свободна. Только сначала в порядок тебя приведем.

Уборщица недоуменно посмотрела на монеты, перевела взгляд на мужчину напротив. Его голос изменился, стал спокойней, безразличней, не настолько холодным, каким был раньше.

– Простите, риал¹... Я не понимаю...

Лет пять назад, когда ещё был жив отец, рядом с семейством Шатровых, в небольшой, чересчур захлавленной комнате обитал, пока не спился окончательно, Аркадий Михайлович Шарцев, бывший домашний учитель. За какие-то грехи, о которых мужчина никогда не распространялся, его выгнали из района аристократов, он быстро пристрастился к алкоголю, скатился по наклонной и кончил тем, что объявился в районе для отбросов и поселился в самой дешёвой камерке. Как он зарабатывал себе на жизнь, девушка не знала, но свободное время, которого у мужчины было более чем

---

¹ Риал – вежливое обращение к знатному мужчине.

достаточно, Аркадий Михайлович проводил, щедро делясь знаниями с окружающими, в том числе и детьми. Сначала Ася, на тот момент пухленький застенчивый тринадцатилетний подросток, ходила к Шарцеву от скуки, – с ней никто из сверстников не желал иметь дела, – затем – из интереса. Воспринимала она далеко не все из рассказанного, но кое-что в памяти девочки всё же отложилось.

«Запомни, дитя, к тем, кто выше тебя, надо обращаться вежливо, но без подобострастия. Ты не равна им, но и грязью считать себя не позволяй. В разговоре к мужчинам обращайся «риал», к женщинам – «риала». Не прерывай их, не спорь с ними».

Аристократов, до сегодняшнего дня, Ася не встречала, в качестве тренировки звала риалом Шарцева, чем невероятно тому льстила.

И кто бы мог подумать, что уроки этикета, если так можно назвать лекции полупьяного учителя, пригодятся девушке в её тяжёлой, беспросветной жизни. Надо же, еще помнит: риал – к мужчинам, риала – к женщинам... И все же, что понадобилось этому богатому красавцу от уродины Аси?

Уголок рта Виктора недовольно дернулся.

– Что тут понимать. Стоишь молча или отвечаешь «да», «нет». Надеюсь, тебе хватит ума ничего не разбить и не испортить. Два-три часа, и тебя отвезут домой. Ещё вопросы?

Вопросов было много, даже очень. Но холёному собеседнику явно не нравилось отвечать на них. Да и какой смысл

спрашивать. Ничего она изменить не сможет. Хочется – не хочется, надо ехать и делать так, как будет велено. Ася в его власти: стоит ему только пальцами щёлкнуть, и поломойку тут же выкинут на улицу. А так... Денег заработает, отложит часть на обучение Сони.

– Нет, риал, извините.

Забор, подобный тому, что отделял квартал дельцов от квартала нищих, лётка преодолела без проблем, и уже через несколько минут транспорт остановился возле одного из многочисленных салонов красоты в районе аристократов.

Глава 2

Салон красоты «Милашка» ничем не отличался от десятков других, понатыканных, как грибы после дождя, на одной из улочек района для шоппинга аристократов. Виктор никогда не посещал подобные заведения, предпочитая, в случае необходимости, вызывать мастеров на дом. Вот еще, он, сын миллионера, должен кланяться перед брадобреями! Но везти это лохматое «нечто» домой? Увольте! От первоначальной идеи отправиться на день рождения с уборщицей «в её естественном виде» пришлось отказаться: выиграла гордость. Да «золотой мальчик» сам себя перестал бы уважать, пояись эта уродина с ним под руку на людях!

– Постригите её, чтоб людей не пугала, – приказал мужчина окружившим его девушкам-мастерам. Те, почуяв богатого клиента, готовы были подобострастно стелиться под ноги, лишь бы получить лишнюю золотую монету. Дешёвки. Все они, бабы, дешёвки. Ищут покупателя побогаче.

Уборщицу небрежно усадили в кресло, задали нужную программу роботу. Виктор остался, решив понаблюдать за процессом. Когда еще попадет в такое экзотическое место.

Редкие, не особо длинные волосы, чуть ниже плеч, начали падать на пол. Интересно, сколько ей лет? Тридцать? Сорок? Выглядит, как старуха. Хотя с таким образом жизни ничего удивительного. Толстая, как земной бегемот. Сын миллио-

нера трижды посещал планету-донор и каждый раз удивлялся ее запущенности: ни роботов, ни лёток, ни шатлов. Нет, в богатых районах нескольких городов-мегаполисов что-то такое, конечно же, было, современной техникой там пользовались однозначно, но распространения все эти машины не получили. А вот зверьё... Зверью разной масти там было жить более чем вольготно. Однажды Виктор по случаю побывал в зоопарке, посмотрел, какие существуют дикие животные. Больше всего его поразили бегемот, слон и носорог. Этакое громадные туши. Как только они по земле передвигаются.

– Всё сделано, риал.

Вынырнув из своих мыслей, «золотой мальчик» равнодушно взглянул на говорившую парикмахершу, призывно улыбающуюся ему возле робота, и перевёл взгляд на ту, что сидела в кресле. Это что? Нет, тяжелые, оплывшие черты лица и водянистые серые глаза, мало что выражавшие, он, конечно, узнал. Но после стрижки и укладки невольной модели можно было дать двадцать, максимум – двадцать пять. И где та старуха, которую «сосватал» ему пронырливый директор магазина?

Ася стриглась редко: соседка Танька, умевшая держать в руках портняжки ножницы, всё чаще пребывала под кайфом, лишиться ушей и глаз из-за галлюцинаций добровольного парикмахера девушке не улыбалось, так что она предпочитала ходить, соорудив «гульку» или повязав не особо опрят-

ные патлы косынкой. Внезапное появление в настоящем салоне красоты юная особа восприняла, как неожиданный и очень приятный подарок небес: постригли, по-настоящему, да еще и бесплатно. Теперь три-четыре месяца точно о причёске можно не беспокоиться: из-за скудного питания волосы росли долго.

– Вставай.

Уборщица привычно подчинилась приказу, краем глаза заметив, как с ревностью и неприязнью уставились на нее сотрудницы заведения. Всё верно, каждая из них, пусть лишь на сутки, готова оказаться на её месте: раз привели стричься, значит, планируют выход в свет, а чем эта корова лучше них, моделей, тративших на себя, на улучшение своей внешности практически всю зарплату? Прогулка под руку с богатым мальчиком – отличная возможность найти новых клиентов или даже сменить нынешнего любовника на кого-нибудь более богатого и известного, на худой конец можно и к тому же «мальчику» в постель лечь. Девушки не скрывали своих чувств, но Асе было всё равно, а её заносчивый спутник и вовсе не замечал никого вокруг, разницы между работницами салона и уборщицей он не делал. Мужчине весь обслуживающий персонал казался лишь пылью под ногами.

Вернулись в лётку, сели на прежние места. «Золотой мальчик» уставился в иллюминатор. Ася решила наружу не смотреть: незачем, только душу себе растравит роскошью и чистотой.

Работала бы она здесь, сумела бы побыстрее отправить сестру в школу... Но... В этом районе трудились те девушки, у кого не хватило денег и связей открыть бизнес в районе предыдущем. Правда, здесь они занимали место прислуги, наемного персонала. Но всегда существовала возможность тем или иным способом проникнуть в дом влиятельного аристократа, начать согревать его постель, а там, возможно, и в секретари пробиться. Чем не карьера для выходцев из среднего класса? У парней была примерно та же дорога в охранники, с оговоркой, что они как раз спали с женами, дочерьми и сёстрами тех самых влиятельных аристократов.

– Сколько тебе лет?

Вопрос прозвучал неожиданно. Ася удивленно моргнула. Зачем ему её возраст? Если нужна говорящая кукла, то какая собственно разница, сколько ей лет?

– Восемнадцать, риал.

Собеседник даже не постарался скрыть удивление.

– Больше похоже на сорок. Ты специально себя так запускаешь?

Странные, непонятные, ненужные вопросы. Как будто с её отталкивающей внешностью есть выбор.

– У меня нет ни денег, ни времени на уход за собой, риал.

Правильной формы чёрные брови взметнулись вверх.

– Ты же женщина. Не стыдно ходить неужоженной?

Она не ответила – не успела. Лётка плавно опустилась во дворе перед огромным пятиэтажным домом, построенным

из дорогущего истринского кирпича, видимо, завозимого на планету контрабандой, дверца автоматически открылась, и мужчина мгновенно утратил интерес к своей спутнице.

– Побудешь в гостиной пару часов. Вторая дверь от входа. Постарайся ни во что не влипнуть.

Сказал и вышел, направился к крыльцу. Ася последовала за ним, поднялась по гладким мраморным ступенькам, боясь касаться резных железных перил, робко зашла внутрь, отсчитала нужную дверь и вошла в комнату. Ворсистые ковры на стенах и под ногами, мебель из Империи, искусно вывязанные салфетки, явно ручной работы, на многочисленных стеклянных поверхностях, на стенах – картины, в том числе и принадлежащие перу известных художников, изящные статуэтки на подоконнике. Сразу видно: жители дома понятия не имеют, куда тратить миллионы, лежащие у них на счетах. Продав одну такую картину, девушка смогла бы безбедно жить в «купеческом» квартале вместе с семьей лет двадцать.

Садиться ей никто не запрещал, но прикасаться к вещам было невероятно боязно. «Постарайся ни во что не влипнуть». А если, не дай Небо, влипнет? Что делать? Возвращать уже полученные монеты? Уборщица уже мысленно положила внезапно свалившиеся на неё деньги в кубышку для младшей сестренки. Поэтому уж лучше постоит тихонько в углу, ничего с ней не случится, привыкла.

В оставленную открытой дверь маленьким ураганчиком

влетел мальчишка лет десяти-двенадцати: миленький, хорошо одетый, вот только личико... Ванька, младший сын Таньки, так же выглядит. «Дебил он», – равнодушно бросила как-то соседка о ребенке. Видимо, и этот, несмотря на деньги семейства, дебилем уродился...

Мальчик меж тем заметил новую часть обстановки, подбежал, замычал, требовательно протянул руку. Ася замаялась, но ее уже ухватили за рукав и потащили к ближайшей тахте, потянули вниз, заставляя сесть. Сам ребёнок резво уселся уборщице на колени, улыбнулся тепло и светло и в очередной раз замычал.

С детьми девушка общалась часто, обычно с теми, кто младше ее лет пять-десять. Они реже обижали зажатую уборщицу, чем ее одногодки. С тем же Ванькой Ася частенько играла в деревянных, плохо струганых солдатиков, и читала мальчику сказки. Под руками сейчас солдатиков не было. Значит, оставались сказки. Их, слава Небу, уборщица знала в большом количестве.

– Привет, меня зовут Ася.

– Ая, – послушно повторил ребенок и снова светло улыбнулся.

Поломойка улыбнулась в ответ:

– Ты любишь сказки? Давай я расскажу тебе о...

Виктор не успевал. Ничего не успевал. Отец снова запил, загулял и растворился в дебрях этой демоновой грязной пла-

неты, со спокойной душой оставив старшего сына разгребать очередные проблемы семейного бизнеса. Копи планеты Арлея, местная торговля, мебель из орхи, провезенная контрабандой. Да мало ли...

Никуда ехать не хотелось. Подумаешь, день рождения. Кому он нужен. А вот если семья потеряет несколько миллионов из-за глупости и недосмотра некоторых топовых менеджеров, это уже серьезно, причем в разы. Погрузившись в бумаги, мужчина напрочь забыл о реальности и вздрогнул, когда в дверь вежливо постучали. Кому там жить надоело? Оказалось, мажордому – мужчине средних лет, служившему на этом месте уже пять лет. Странно, раньше Алик не позволял себе тревожить молодого господина, когда тот запирался в кабинете. Что могло... Ох, Небо, как же он забыл о поломойке!

– Риал, – почтительно поклонился мажордом, облаченный, как и положено, в ливрею цвета дома – небесную лазурь. – Ваша матушка... Мне кажется, вам нужно спуститься.

Мать увидела ту уродину? Этого только не хватало... Небо, как же всё не вовремя...

Лифт за считанные секунды спустил его с пятого этажа на первый. Двери открылись, и крик мгновенно ударил по барабанным перепонкам. Зачем же так орать... Она опять налакалась? Или очередной передоз? И ни одной души во круг. Правильно, кому ж захочется нести ответственность за

последствия общения с неадекватной риалой. Хорошо хоть Алик догадался предупредить хозяина...

В гостиной, той самой, куда Виктор отправил свою нынешнюю спутницу, визжала ещё красивая стройная женщина, с крупными, синими, как васильки, глазами, алыми пухлыми губами и следами злоупотребления алкоголем и синтетическими веществами на лице, и почти в унисон с ней верещал Димка, непонятно как оказавшийся на коленях у уборщицы. Брат вцепился в свое живое сидение обеими руками и наотрез отказывался покидать это необычное место. Сама полomoйка, похоже, находилась в некоем подобии ступора: сидела неестественно прямо и смотрела перед собой пустыми глазами. Ну и как он ее в таком состоянии на вечер повезет? Голова начинала раскалываться.

– Тихо, – гаркнул Виктор. И мать, и брат замолчали мгновенно. «Золотой мальчик» поморщился. Вот же... Потом опять приглашать психолога для мелкого, чтобы тот по ночам спать не боялся. Идиот. Справился со слабыми. Небо, как же он устал от всего...

– Ты, – заметив, что девчонка уже пришла в себя, Виктор отрывисто кивнул ей. – На улицу. Марш. Подождёшь меня у лётки.

Встать у полomoйки не получилось: Димка вцепился в нее, как клещ, пришлось Виктору насильно поднимать и удерживать на весу брата, пока уборщица осторожно пробиралась к выходу под злобным взглядом на удивление трезвой матери.

Входная дверь открылась и закрылась. Молодой человек отпустил насупленного ребенка, повернулся спиной к женщине и отправился наверх, за вещами: пора было ехать на вечер.

Ася неторопливо рассказывала мальчику уже четвёртую сказку о приключениях весёлого детектива с дальней планеты, сосредоточенно вспоминая, как же именно должна закончиться выбранная ею история, когда в комнату вдруг зашла высокая худощавая женщина, довольно ухоженная, но явно любящая хорошенько приложиться к бутылке. Зашла и на секунду застыла рядом с тахтой. На лице вошедшей появилось презрение, она негодуяще фыркнула и громко приказала:

– Димка, сейчас же слезь с этой вшивой уродины!

Ребенок не отреагировал. Ася замолчала.

– Я с тобой разговариваю, – недовольно повысила голос женщина. – Слез сейчас же!

Последнее предложение она буквально выкрикнула. Димка протестуяще вцепился тонкими пальцами в одежду девушки и вскрикнул в ответ.

– Ты, ублюдок! Я с кем разговариваю! Отпусти его, шлюха!

Плохо понимая, что именно происходит, уборщица попыталась спустить ребёнка вниз: не вышло, дитё неожиданно завизжало на высокой ноте и еще крепче вцепилось в свое

сидение. Через несколько секунд кричали уже оба. Все, что оставалось шокированной Асе, – сидеть и слушать их «разговор».

– Тихо!

Голос девушка узнала и, как ни странно, обрадовалась: если ее наниматель здесь, значит, он сможет освободить уборщицу от необходимости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.